

А. Репонь¹

A. Repoň

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР «ЗАПИСОК
ОХОТНИКА» И.С. ТУРГЕНЕВА
И СЛОВАЦКАЯ ЛИТЕРАТУРА²

LITERATURE WORLD OF "SKETCHES
FROM A HUNTER'S ALBUM" AND
SLOVAKIAN LITERATURE BY
I.S. TURGENEV

В центре внимания автора статьи – сборник рассказов И.С. Тургенева «Записки охотника». Публикация сборника стала крупнейшим событием не только литературной, но и общественной жизни своего времени. Автор статьи останавливает внимание на отношении словацкой литературы к русской классической литературе и переводам произведений Тургенева на словацкий язык.

Ключевые слова: И.С. Тургенев, картины русской жизни, реалистическое изображение характеров, потребность гармонии и красоты.

The centre of attention of the author hereof is a collection of short stories "Sketches from a Hunter's Album" by I.S. Turgenev. Publishing of this collection book became the greatest event both in the literature's and the society's life at that time. A close look both at the attitude of the Slovakian literature to the Russian classical literature and the translations of the Turgenev's works into Slovakian is taken herein.

Keywords: I.S. Turgenev, a picture of commonplace Russian life, representation of realistic characters, demand for beauty and harmony.

«Я родился и вырос в атмосфере, где царили подзатыльники, щипки, колотушки, пощечины и пр. ... – вспоминал писатель. – Ненависть к крепостному праву уже тогда жила во мне».

В истории русской литературы зарождение «натуральной школы» связывают с творчеством Н.В. Гоголя. По своей сущности «натуральная школа» определяется, в первую очередь, как «отрицательное направление» [1, с. 3], которое теснейшим образом «было связано с обличением и сатирой» [2, с. 265].

Со времен Белинского термином «натуральная школа» принято определять один из важнейших переходных этапов в истории русской литературы, падающий на 40-е годы XIX века, когда под непосредственным влиянием Гоголя, а также Пушкина, Лермонтова, под влиянием критики Белинского сформировался и занял устойчивое положение в русской литературе реализм. Этот этап был именно школой для многих молодых писателей: Некрасова, Гончарова, Достоевского, Тургенева и др.

Безусловно, школа имела огромное значение. Без нее нельзя понять творчество раннего Достоевского, Некрасова и Тургенева. Термин стал об-

щепотребительным. В 1845–1848 годах реалистическое направление достигает своего наивысшего расцвета. Как раз этот период больше всего заслуживает названия «натуральная школа». После 1848 года начинается ослабление внутренних связей в школе. Со смертью Белинского вообще прекратилось ее организованное существование.

Наиболее широким было либеральное течение, в которое входили И.С. Тургенев, И.А. Гончаров, Д.В. Григорович и др. Либералы характеризовались своими антикрепостническими настроениями: выступали за отмену крепостного права путем реформ и компромиссно относились к буржуазным порядкам на Западе. Они-то и назывались западниками. Этим прогрессивным силам противостоял лагерь консервативного дворянства, который складывался из двух групп: славянофилов (К.С. Аксаков, братья Киреевские, А.С. Хомяков, Ю.Ф. Самарин) и из так называемых реакционеров-охранителей (Ф.В. Булгарин, Н.И. Греч, М.П. Погодин и др.).

Крупнейшими деятелями бурно начавшегося процесса организации «натуральной школы» были Н.А. Некрасов, И.С. Тургенев, Д.В. Григорович и И.А. Гончаров.

И.С. Тургенев – яркий пример нового писателя, приверженца школы, черпающего свои идеалы из действительности, которую изображает.

¹ Кафедра славянских языков университета им. Матея Бела, г. Банска-Бистрица, Словакия.

² Публикация осуществлена за счет гранта «Языки в славянском мире».

А.М. Скабичевский не мог не знать отзыва Белинского о таланте Тургенева в письме к нему от 19 февраля (3 марта) 1847 года, дважды опубликованного к тому времени: «Если не ошибаюсь, Ваше призвание – наблюдать действительные явления и передавать их, пропуская через фантазию; но не опираясь только на фантазию» [3, с. 28].

«Записки охотника». Общие сведения

В первом номере «Современника» за 1847 г., когда журнал только что перешел от П.А. Плетнева в руки Н.А. Некрасова и И.И. Панаева, был напечатан очерк Тургенева «Хорь и Калиныч» с пометкой после заглавия: «Из записок охотника». Исключительный успех этого очерка побудил Тургенева продолжать серию «охотничьих» рассказов. Позднее в «Современнике» было напечатано еще двадцать рассказов, а в 1852 г. «Записки охотника» вышли отдельной книгой. «Записки охотника» стали крупнейшим событием не только литературной, но и общественной жизни своего времени. Тургенев дал в них широкую картину народно-крестьянского и помещичьего быта крепостной деревни и усадьбы, с длинной вереницей реалистически и мастерски зарисованных образов крестьян и помещиков на фоне среднерусского пейзажа, входившего существенно важным элементом в композицию почти всех рассказов. Рассказы не были связаны единством сюжета. Но на протяжении всей книги явно проступало глубокое сочувствие автора к забитому и бесправному народу, убедительное и смелое разоблачение «дикого» рабства, всевластного хозяина крепостных «душ».

По своей форме «Записки охотника» – это очерки, рассказы и новеллы. Очерки («Хорь и Калиныч», «Одноворец Овсяников», «Малиновая вода», «Лебедянь», «Лес и степь»), как правило, не имеют разработанных сюжетов, содержат в себе портреты, параллельные характеристики нескольких героев, картинку быта, пейзажи (зарисовки русской природы). Рассказы («Мой сосед Радиков», «Контора», «Гамлет Щигровского уезда» и др.) построены на определенном, иногда очень сложном сюжете. Наконец, в манере обостренной по действию новеллы выдержаны «Ермолай и мельничиха», «Бирюк» и особенно «Стучит!». В этих произведениях сюжет основан на острых и неожиданных происшествиях. Весь цикл рассказан охотником, который повествует о своих наблюдениях, встречах и приключениях. Гуманность рассказчика накладывает на повествование «Записок охотника» ха-

рактерный для этого писателя мягкий оттенок.

«Стройным рядом нападений, целым батальным огнем против помещичьего быта» называли «Записки охотника» современники Тургенева. В секретной бумаге министра народного просвещения сообщалось о книге: «Значительная часть помещенных в ней статей имеет решительное направление к унижению помещиков, которые представляются вообще в смешном и карикатурном или, еще чаще, в предосудительном для их чести виде». Иными, наделенными духовной одаренностью и глубокой человечностью были показаны русские крестьяне. Таким образом, отчетливо выступало намерение автора показать моральное превосходство закрепощенного крестьянства над «культурным» и «благородным» рабовладельческим сословием.

Отличительной особенностью многих рассказов из «Записок охотника» являлась в них «эзоповская манера» письма, выражавшаяся во всякого рода недомолвках и иносказаниях. Чтобы обмануть подозрительную цензуру, Тургенев пользовался неоднозначными выражениями, тонко употребленным намеком, подчас даже композиционной перестановкой событий (новелла «Ермолай и мельничиха»). «Эзоповская манера» письма помогла «Запискам охотника» пройти сквозь преграды цензуры. Тем большим было ее бешенство после выхода «Записок» в свет. Цензор, пропустивший книгу в печать, был отстранен от должности.

Влияние «натуральной школы» на автора «Записок»

Что касается принадлежности Тургенева к числу писателей «натуральной школы», не лишним будет отметить тот факт, что довольно сильное влияние оказал на него реализм Гоголя. Тургенев вслед за создателем «Мертвых душ» нарисовал типы провинциальной России, помещиков-степняков, одаренных, смысленных крестьян, лишь эпизодически воспроизведенных Гоголем. Но у Тургенева мужики предстали как «живые души», резко противостоящие миру господ – подлинная опора нации. Заметно влияние Гоголя и в отдельных художественных приемах: в шаржированном описании гостей-монстров, собравшихся в имении помещика Александра Михайлыча Г***, в сцене трепетного ожидания «важного сановника» («Гамлет Щигровского уезда»). Или, например, в юморе, с которым описывается бесшабашный удалой нрав Чертопханова и кроткий облик его смиренного подопечного Санчо-Недопускина. Но искрометность стиля, особый – трагической окра-

ски – лиризм Гоголя были чужды Тургеневу. Как заметил В.И. Кулешов, «его стиль – прозрачно-спокойный».

С «натуральной школой» Тургенева роднит, в первую очередь, обостренное внимание к простому человеку, характерное для Гоголя, «отца школы». Крестьянина как личность автор «Записок охотника» открывает одновременно с Д.В. Григоровичем и Н.А. Некрасовым. Тургенев использовал жанр «физиологического очерка» для создания образов крестьян и провинциальных помещиков, и в этом отношении пошел дальше «натуральной школы», в основном – урбанистической, которая прежде всего интересовалась жизнью городской бедноты: дворников, шарманщиков, обитателей «петербургских углов».

Жанр «Записок охотника»

С появлением «Записок охотника» можно сказать, что традиционный для русской прозы 40-х годов XIX века жанр Тургенев преобразовал в рассказ, долгое время, однако, носивший в себе черты «физиологического очерка». Потому Белинский не раз говорил, что «настоящий род таланта Тургенева – физиологический очерк разных сторон русского быта и русского люда». Автор «Записок охотника» с полным основанием был причислен к писателям «натуральной школы»: он сам хотел непременно участвовать в некрасовских сборниках. Сохранился черновой прозаический набросок, из которого ясно, что Тургенев намеревался описать гавань и другие уголки Петербурга. Через «физиологический очерк» прошел и молодой Л.Н. Толстой («Рубка леса», 1853). Некрасов писал Тургеневу 18 августа 1855 года: «В IX номере “Современника” печатается посвященный тебе рассказ юнкера “Рубка леса”... Это очерк разнообразных солдатских типов... то есть вещь донныне небывалая в русской литературе...»

Художественный принцип «физиологического очерка» – подчеркнутая достоверность изображения – совпадал с самой природой таланта Тургенева: рисовать с натуры. Его образы большей частью имели реальные прототипы, их отдельные черты автобиографичны, в языке множество этнографических отступлений, то есть областных, профессиональных слов, речений, которые писатель сам тут же пояснял.

В этом смысле Тургенев – творец «Записок охотника» – нашел новый типологический принцип, создал характеры, которые в дальнейшем образовали как бы внутренний психологический стержень героев его прославленных идеологических романов. Это типы рационалиста, мыслителя-скептика, близкого к природе.

Крестьянский вопрос в «Записках охотника»

Исходя из верного понимания политической сущности крестьянского вопроса в России и глубокого решения проблемы положительного героя, Белинский судил об общих явлениях русской литературы и в том числе «Записок охотника» Тургенева. В статье «Взгляд на русскую литературу 1847 года» Белинский, дав общую характеристику первых очерков «Записок охотника», особенно выделил очерк «Хорь и Калиныч», назвав его «лучшим из всех рассказов охотника»; в письме к Тургеневу критик также подчеркнул значимость этого рассказа о двух орловских крестьянах: «Вы и сами не знаете, что такое “Хорь и Калиныч”, который обещает в вас замечательного писателя в будущем... Судя по “Хорю”, вы далеко пойдете. Это Ваш настоящий род... Найти свою дорогу, узнать свое место – в этом все для человека, это для него значит сделаться самим собою» [4, с. 180].

Тургенев, утверждавший, что «в русском человеке таится и зреет зародыш будущих великих дел, великого народного развития» [5] был вполне согласен с этой борьбой Белинского за русского «мужика». В письме к Гоголю 1847 года великий критик писал, что России нужно «пробуждение в народе чувства человеческого достоинства, столько веков потерянного в грязи и навозе...» «Записки охотника», изображавшие русский народ с позиций гуманности и в духе последовательного демократизма, служили этой великой цели.

Художественное новаторство Тургенева с наибольшей силой проявилось в образах крестьян. Никогда ранее они в таком изобилии не выводились на страницах реалистических произведений. Тургенев приближает своих «мужиков» к читателям, он делает их главными героями всего цикла.

В отличие от Гоголя, запечатлевшего в «Мертвых душах» тлетворное влияние крепостного права на крестьян (тупость Петрушки, рабская покорность Селифана), Тургенев со всей силой утверждает в «Записках охотника» тему духовного величия русского крестьянства. Он показал крестьян одаренными, порой глубоко талантливыми русскими людьми. Он с сочувствием отделил ум, любознательность, трудолюбие, практическую сметку Хоря и наряду с этим – романтическую чистоту и мечтательность Калиныча, художественную артистичность Якова, неутомимое правдолюбие Касьяна. С особой симпатией изображал Тургенев крестьянских девушек – самоотверженную любовь Матрены, доверчивость и

поэтичность Акулины, силу духа заживо погребенной Лукерьи. В очерке «Бежин луг» Тургенев одним из первых русских писателей реалистически нарисовал крестьянских детей.

Крестьянскими образами «Записок охотника» Тургенев осуществил то, к чему призывал русских писателей Белинский: «...чтоб изобразить жизнь мужиков, надо уловить... идею этой жизни, – и тогда в ней не будет ничего грубого, пошлого, плоского, глупого». Будучи реалистом, Тургенев не обошел и не приемлемых для него черт крестьянской покорности своим господам (образ буфетчика Васи в «Двух помещиках»); но героями «Записок» он сделал крестьян, отражавших в себе сущность народной психологии.

В «Записках охотника» главенствуют три темы: жизнь крестьян, жизнь помещиков и духовный мир образованного сословия. Главный пафос этого цикла – изображение задавленных крепостничеством народных сил, безграничной талантливости, нравственной и духовной красоты народа. Белинский писал, что автор здесь «зашел к народу с такой стороны, с какой до него к нему никто не заходил», то есть со стороны нравственно-этической. В этом прежде всего и заключался могучий протест Тургенева против крепостного права.

Общее своеобразие «Записок охотника»

Какова же общая философская настроенность «Записок охотника»? Кажется, здесь все герои порождены самой природой, ее нерушимыми законами, а не порочным обществом. «Записки охотника» начинаются с «физиологической» констатации разницы между типами мужиков соседних уездов, заканчивается же цикл своего рода типами русской природы, гимном во славу ее, символическим рассказом «Лес и степь».

Для Тургенева природа – главная стихия, она подчиняет себе человека и формирует его внутренний мир. Русский лес, в котором «лепечут статные осины», «могучий дуб стоит, как боец, подле красивой липы», да необозримая степь – это главные стихии, определяющие в «Записках охотника» национальные черты русского человека. Это совершенно соответствует общей тональности цикла. Подлинным спасением для людей оказывается природа. Если в первом очерке-прологе повествователь просил обратить внимание на мужиков, то заключительный рассказ является лирическим признанием автора в любви к природе, “für sich” (для себя. – нем.), как он сам шутливо говорит, прощаясь с читателем.

Образ рассказчика в «Записках охотника», очень нужный и активный, выступает в несколь-

ких обликах. То он *охотник*, сталкивающийся с интересными лицами, когда вовсе не важна его принадлежность к привилегированному сословию, – это вариант «естественности» встречи и разговора (таковы его отношения с Ермолаем). То он случайный *зритель* или *невольный свидетель* встречи, разговора («Свидание», «Контора»). То чувствуется сословная дистанция: он – *барин*, встречающийся с господами, вспоминает о прежних встречах с лицами, проливающимися свет на происходящее («Ермолай и мельничиха»). То рассказчик как бы совершенно растворяется в повествовании («Певцы»). Но он всегда симпатичен, благороден, стоит ближе к крестьянам-праведникам, чем к господам. Он даже берет сторону угнетенных: уговорил Бирюка помиловать крестьянина, брезгливо относится к Пеночкину и ему подобным. Это, несомненно, просвещенный «друг человечества» в духе сороковых годов XIX века, проповедующий социальное равенство, видящий пороки крепостнической системы, угнетающей униженных и оскорбленных.

И.С. Тургенев и словацкая литература

Широкий круг словацких писателей XIX века имел традиционно близкие отношения к русской литературе, чаще всего на основе углубления идеи славянской солидарности. Во второй половине XIX века словацкое русофильское ощущение еще более обострилось. Это была неизбежная реакция на рост социального и национального гнета. Для словаков осознание принадлежности к славянским корням и вера в могучую державу – Россию – были сильным источником надежды на лучшее будущее.

В словацких русофильских настроениях и взглядах кроме положительной стороны – отношения к русской литературе – наблюдаем и две очевидные опасности. С одной стороны, это было некритическое восхищение всем русским, что привело к неспособности отличать важные вещи от менее важных вещей, с другой стороны, неприятие, отрицание всего, что подрывало в значительной степени идеализированный образ царской России. Так, например, на словацкий язык было переведено стихотворений славянофила Хомякова больше, чем стихотворений Пушкина (Пановова, 1966) – критика русского общества; также из пушкинских «Повестей Белкина» были опубликованы на словацком языке только две, и только в 1864 году. Даже Гоголь был в Словакии представлен не как писатель, критиковавший «беспорядок в русской империи», но только как автор «смешных фольклорных сказок» (Дюришин, 1966). «Причина позднего прихода Гого-

ля к словацкому читателю, – пишет Л.А. Сугай, – может показаться парадоксальной – это любовь к России, русофильство словацкой интеллигенции» (Сугай, 2010). Так было и с переводом И.С. Тургенева [6]. Первый перевод Тургенева опубликовал журнал «Сокол» в 1863 году. Переводчик – Даниэль Бахат-Думный, поэт и прозаик, чье творчество расценивается словацкими историками литературы как «вариант романтического сентиментализма» [7, с. 230].

Переводы произведений Тургенева (например, «Ася», «Еврей», роман «Дым» в 1871 году), при их малом количестве, не расширили и не углубили знаний о произведениях Тургенева. В этой ситуации полезной надо считать опубликованную в 1873 году в журнале «Орел» статью Андея Трухлго-Сытнянского «Иван Тургенев как новелист», хотя она была написана на основе статьи немецкого критика О. Глага.

В статье Сытнянский подчеркнул, что «...когда Тургенев писал о русской аристократии, обмолкнув ручку в иронию и сарказм», то он «... сочувственно изобразил русского мужика». Но, в то же время, критик отметил, что «... русский мужик страстно болеет за свою страну, свой народ, царя, церковь...», чем частично смягчил социально-политический замысел «Записок охотника». Итак, разоблачение Тургеневым ужасов крепостного права и протест против него остались более заметными для бдительного русского правительства. Как показала реакция на опубликованные переводы «Записок охотника», критические слова о жизни в царской России в словацкой среде не получили отклика.

В этом отношении хотим особенно представить взгляды словацкого писателя Светозара Гурбана Ваянского. Об отношениях Ваянского и Тургенева подробно говорят исследования двух словацких литературоведов – И. Кусого и А. Червеняка. Хочется здесь процитировать некролог Ваянского о Тургеневе: «Матушка Русь будет сиять над телом своего сына и простит ему все раны, которые она получила. Он поднял ее имя высоко ... мировая литература приняла его среди самых больших имен, но родное Отечество не причисляет его полностью к таким писателям, как Гончаров, Достоевский, потому что они любили свою страну! Русь для великого писателя Тургенева была предметом художественного творчества, а сердечное отношение к ней отходит на второй план» [8]. Ваянский отмечает, как Тургенев описывает психологические процессы и состояния своих героев. Он считает Тургенева, так сказать, «объективным писателем», не называющим психологических яв-

ний словами, не открывающим эти явления изнутри (introspekcia), но описывающим их физическую внешнюю оболочку. Этот метод привлекает внимание Ваянского. Он ручкой подчеркивает почти половину третьего пункта рассказа «Муму», в котором Тургенев описывает чувства Герасима, взятого из родной деревенской жизни и перенесенного в чужую городскую среду (с фразы «Крепко не полюбилось ему сначала его новое житье» по «... бросался на землю и целые часы лежал на груди неподвижно как пойманный зверь» [А.Р.]). В не менее значимой мере Ваянского интересуют также мысли и суждения Тургенева о людях, которые имеют более общее значение. По словам Ваянского, в своем роде они представляют афоризмы, умные идеи, философские обобщения, в которых сосредоточены идеологические и эстетические восприятия жизни и общества Тургенева. «Но когда, наконец, минует это “очарование”, человеку иногда становится досадно и жаль, что он, посреди счастья, так мало наблюдал за самим собою, что он размышлением, воспоминанием не удваивал, не продолжал своих наслаждений...» [«Дневник лишнего человека», с. 224].

В журнале Сытнянского «Орел» часто публиковались переводы многих русских авторов, но на первом месте были переводы рассказов Тургенева. В 1874 году был опубликован перевод рассказов «Хорь и Калиныч», «Бирюк», «Уездный лекарь», «Два помещика», «Льгов», «Малиновая вода», в 1876 году – «Странная история». В одной из своих статей Сытнянский указал основную причину, почему в Словакии должны публиковать Тургенева: «Хотите иметь словацких писателей? А где они могут приобрести навыки в стилистике, в скульптуре людей, в пластическом изображении особенностей отдельных личностей, стран, регионов и т.д.? Поверьте мне, Тургенев является лучшим учителем в этой области для нашей молодежи» [9]. Большими поклонниками и пропагандистами Тургенева в словацкой литературе XIX и XX веков – помимо уже упомянутого С.Г. Ваянского – были А. Бьелек, Г. Маршалл Петровский, Я. Есенский, Ц. Бодицкий, Б.С. Тимрава, М. Шолтесова и др. [10, с. 127–135].

Изучением отношений Ваянского к Тургеневу тщательно занимался Андрей Червеняк в своей монографии «Ваянский и Тургенев» [11]. Исследователь уверен, что «...романы Тургенева помогли привести в сознание словацких читателей» [11, с. 53].

В творчестве Ваянского можно найти много адаптаций тургеневских характеров. Боль-

шинство персонажей Тургенева имеет аналитический характер, а у Ваянского – синтетический характер. Тургенев создает характеры следующим образом: а) изображает одну или несколько особенных черт реально живущего прототипа; б) эту черту разрабатывает в духе идей и тенденций, которых носителем является будущий характер; в) на основе реального прототипа подходит к типизации и идеализации тенденции. Таким образом, Тургенев от реального прототипа через тенденцию идет к типичной фигуре.

Процесс создания характера персонажа у Ваянского сильно отличается: а) основанный либо на тенденции, либо на некоторой особенности прототипа, он задуман в духе основной идеи; б) на основе прототипа тенденция индивидуализируется [11, с. 130].

Реалистическое мастерство Тургенева показывает не только на силу и глубину таланта писателя, но особенно выразительное и тематическое разнообразие его творчества. Тургенев кроме своего основного жанра – романа – писал стихи, поэмы, рассказы, новеллы, драмы, комедии, стихотворения в прозе, воспоминания и литературно-критические статьи. В своем художественном наследии он оставил читателям такие значимые характеры, их ценностные ориентации, личностные размеры, которые находятся далеко за пределами своей эпохи и которые стали универсальной человеческой значимостью.

Творческие поиски писателя были неразрывно связаны с анализом причин, вызвавших тра-

гедию человеческой личности, ее благородного усилия в условиях несправедливых общественных отношений. Таким образом, анализ современной Тургеневу социальной жизни идет в корреляционной связи с идеалами универсальными, вечными.

Литература

1. Жук А.А. Сатира натуральной школы / под ред. Е.И. Покусаева. – Саратов, 1979.
2. Макашин С. Салтыков-Щедрин : биография. I. – М., 1951.
3. Кулешов В.И. Натуральная школа в русской литературе XIX века. – М., 1982. – С. 28, 40.
4. Белинский В.Г. Письма. – Т. III. – 1914.
5. Тургенев И.С. Рецензия на очерки Даля, 1847.
6. Rizner L.V. Biografia písomníctva slovenského do r. 1900. – Martin, 1929–1934.
7. Čepan. Dejiny slovenskej literatúry. – III., 1965.
8. Vajanský S.H. Ivan Sergejevič zomrel // Narodnie noviny, 14, 1883, č. 104. Citované podľa: State o svetovej literatúre. Bratislava 1957, s. 195.
9. Slovesnosť, príloha k Orlovi, 1873, r. I, počnúc 3. čísлом.
10. Červeňák A. Človek a text. – Univerzita Konštantína Filozofa, Nitra. 2001.
11. Červeňák A. Vajanský a Turgenev. – Vydavateľstvo SAV, Bratislava 1968.